

Сергей Шведов

Короткими перебежками

Сергей Шведов

Короткими перебежками

«Издательские решения»

Шведов С.

Короткими перебежками / С. Шведов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961960-0

Герои этих коротких рассказов и пьесы хорошо знакомы любому читателю. Пионеры, колхозники, врачи, шабашники, партийные бюрократы, летчики, таксисты, учителя, геологи и водолазы — они живут своей обычной, но фантастической жизнью, в которой реальность сплетается с чудесами.

ISBN 978-5-44-961960-0

© Шведов С.
© Издательские решения

Содержание

1. «ПРОШЛАЯ ЖИЗНЬ»	6
Капуста	6
Колодец	7
Последнее средство	8
Дурная голова ногам покоя не дает	9
Происшествие	10
Террористы	11
Люди подземелья	13
Нахимичили	14
Погоуляли	15
Белая горячка	16
Озорник	17
Ночной кошмар	19
Деньги	20
Случай на пашне	21
Финансы поют романсы	22
Вредные привычки Деда Мороза	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Короткими перебежками

Сергей Шведов

© Сергей Шведов, 2019

ISBN 978-5-4496-1960-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. «ПРОШЛАЯ ЖИЗНЬ»

*«Хлебом кормят, а срать не пускают!»
Житие протопопа Аввакума.*

Капуста

Петя Иванов повадился лазить на колхозное поле воровать капусту. Он и сам не знал, как пристрастился к этому. Просто как-то раз жена послала его в магазин за капустой, а ее не было, ну, он испугался возвращаться с пустыми руками, смотрит – а за забором капустные грядки, залез и схватил кочан. Сидит в капусте, ждет, когда сторожа пройдут, и думает: «И чего она в этой капусте нашла? Все равно выбросит». Взял, из любопытства попробовал, вкусно вроде как показалось. Ну, а потом пошло. Как идет мимо поля, смотрит – нет никого, ну, через забор и в капусту. Одну, другую схватит и назад. Сторожа ругаться стали: кто-то всю капусту поворовал, никак изловить не могут. А он уже так привык к ней, ни в какую не оторвешь. Жена удивляться стала: зачем дома капусты столько, торговлю открывать можно. Но он ее отшивал: молчи, мол, не твое бабское дело в мужские проблемы лезть. Угрюмый стал, бросил работу, с утра до ночи возле поля дежурит, ждет, когда сторожа отвернутся – и тотчас за забор и в капусту. Жена на него рукой махнула, к другому ушла, а он все никак капусту забыть не может. Уже из сил выбился, залезет, нагрузит себя кочанами, аж еле прет. Раз поднял, да так и сел от натуги, с места сдвинуть не может. Тут его и накрыли.

– Ишь ты, какой повадливый, – говорил один сторож другому, когда нес за уши Петю к сторожке. – Отожрался, гад.

Петя не сопротивлялся. Сторож открыл дверцу клетки и пустил его внутрь, к другим кроликам.

Колодец

Дело было этим летом. Внуки приехали к дедушке на каникулы в деревню. Жара, грибы, речка, словом, вот бы отдохнуть всю детворе, но одна вещь портит им настроение – старый колодец в глубине сада. Дело в том, что только они хотели первый раз к нему подойти, как дедушка их остановил, запретил, и с тех пор, сколько бы они не подбирались к нему, возникал тут как тут и начинал пугать. То тут у него русалки живут, то водяные, то еще что-то, а то возникли там мертвецы! У нас, говорит он, не как у всех было принято умерших хоронить; те – на кладбище, а мы испокон веку – в колодце. Так что там мертвецы сидят. А ты умрешь, – и тебя туда, спрашивают. И меня, отвечает. Совсем перепугал ребятшек. По всей деревне слухи пошли, что с колодцем неладное. Ну, взрослые, конечно, не верили, а дети тряслись от страха. А все потому, что дед боялся, как бы внуки туда не свалились, потому и выдумывал всякую чушь.

И вдруг дед пропал. Исчез – нигде нету. Внуки испугались – ну. Конечно, мертвецы утащили в колодец. Все дети деревенские в саду собрались, решают, что делать, тем более, что взрослые им не верили до сих пор. Но когда они веревки в сарае нашли и уже внутрь хотели спускаться, старшие тоже обеспокоились: а вдруг! Старика-то не видно! Кран пригнали, экскаватор, даже помпу пожарную – воду выкачивать. И полезли в колодец.

Никаких там мертвецов не нашли. Но зато нашли – клад Наполеона, его казну, там спрятанную, когда он из Москвы бежал, да еще мундиры, барабан, шляпу. Вытащили – вся деревня сбежалась. А тут и дед появился, идет, удивляется, почему тут народу столько, даже забор снесли! Оказалось, он просто в райцентр ездил зубы лечить.

Последнее средство

Вова Брыксин ужасно любил баловаться петардами. Бывало, идет по улице, а впереди какая-нибудь бабка молоко в бидоне несет, так ему непременно надо стрельнуть, чтобы она с испугу его разлила. Или в школе надоест ему, что учительница долго что-то талдычит, он возьмет и стрельнет, а ее потом полчаса в чувство приводят. Или дома за обедом как хлопнет, мать с испугу дедушку горячим супом ошпарит или молоком обольет. Всюду он стрелял: и на улице, и в гостях, и в кино, и в магазине, и дома. Но его за это крепко наказывали, особенно дед – он его просто терпеть не мог. И было за что. Только дед свернет, например, самокрутку, а тот уже у него под ухом возьми, да и хлопни, так дед ее с испугу обычно глотал. Куда это годится?! Озверел дед – совсем курнуть не дают! Он его и бил, и пугал, и ругался, ничего не помогало. Не внук, а сорванец какой-то попался, сладу нет никакого. Думал дед и решил, наконец, применить последнее средство. Он его еще с войны помнил, когда в разведке служил. Взял два литра деревянного масла, подмешал его в... А впрочем, сами додумайтесь. Он просил секрета не раскрывать. Но уже после этого Вова больше на петарды даже смотреть не мог.

Дурная голова ногам покоя не дает

С утра пораньше старик Мандрагоров почувствовал себя хуже некуда – ни с того, ни с сего у него вдруг стала отваливаться голова. Об этом ему еще дочка сказала, поймав ее ложкой в каше, а он, хоть и чувствовал себя не в своей тарелке, но виду не подавал, пока положение не стало угрожающим. Не зная, куда деваться, он забегал по комнате, держась руками за голову, но она упорно не желала сидеть на месте, и ему то и дело приходилось ее искать то под столом, то под буфетом. Наконец, он все-таки кое-как укрепил ее на живую нитку, но тут у него впридачу так заныл зуб, что он не выдержал, заткнул уши и кинулся прочь из дома.

В горбольнице, куда его принесли сами ноги, его у них тут же забрали, уложили на каталку и отправили в реанимацию. Но было поздно – голову он совсем потерял по дороге. Пока ее тщетно разыскивали в укромных местах, старика подняли в реанимацию и отдали под присмотр старшего хирурга Пронатора, который ко всему относился давно уже философски и даже не стал отрываться от любимого чая со сливками.

– Ничего, можно и потерпеть, не смертельно. В войну и не такое видали.

Когда ему доложили, что поиски закончились неудачей, он вздохнул, поднялся, и произнес сакраментальную фразу: «Да, свою голову другим не приставишь», – направился к большому морозильному шкафу в дальнем углу.

Раскрыв его, он стал копаться в куче запасных голов, сложенных в металлической сетке внизу, чтобы не побились случайно. Там он нашел одну, очень похожую на старикову, и принес к нему на примерку. А тут еще как раз санитарка Вавилова нашла такую же в мусорном ведре, куда ее по ошибке смели вместе с крошками со стола. Увидев их, старик очень обрадовался, хотя и был близорукий, а очки дома забыл. Но все равно стал тут же примерять каждую по очереди.

– Одна голова хорошо, а две лучше, – решил он, наконец, спрятав одну за пазуху про запас, а вторую водворив на прежнее место. Но тут зуб заныл снова, да так сильно, что его пришлось немедленно заткнуть тряпочкой и бежать к стоматологу. Но это уже другая история.

Происшествие

– Ну-ка, двигай, раскорячился тут на дороге, чертов бугай!

Кричали визгливо, нагло и грубо. Соломатин, возившийся в тамбуре электрички на самом проходе, увидел позади себя перекошенную от злости деревенскую бабью рожу и понял: эта ему не спустит.

– Ничего, подождешь, успеешь, – бормотал он, засовывая в портфель раскатившиеся помидоры и яблоки.

Соломатин возвращался домой от любовницы, жене сказал, что поехал на дачу, для большей убедительности прикупил разных овощей по дороге, а тут перед самым выходом сумка возьми, да и лопни, растерял по всему тамбуру. А народ уже сзади прет, подгоняет.

– Что заткнулись-то?! Приехали!

– Шевельни его там!

– Сам шевельни! Он тебе шевельнет! Не видишь, что ли?!

– Эка, боров! Бабка, а ты его по хребтине вытяни, испугается.

Старуха оглянулась, осторожно толкая Соломатина в спину.

– На кой он мне сдался, рогатый черт! Хоть перепрыгивай! Ни в какую нейдет.

Люди заволновались, женщины стали возмущаться.

– Да сдвиньте же его, в самом деле!

– Где милиция! Крикните же кого-нибудь!

Дежурный милиционер уже бежал по платформе к заднему вагону, где скопилась порядочная толпа народу и несмело вытягивала шеи, не решаясь подойти ближе к дверям. За ним, отдуваясь и поправляя то и дело падавшую с головы фуражку, спешил толстый машинист. Пробившись сквозь толпу и увидев, что происходит, он заробел, замахал руками и попытался было сбежать, но его окружили со всех сторон плотной массой и решили не выпускать.

– Не видел, не видел, граждане, сам пришел, – бормотал он трусливо негодующим пассажирам.

Дело приняло нешуточный оборот. Испугавшись милиционера, Соломатин бросил помидоры и хотел было скрыться обратно в вагоне, но толпившиеся за ним на проходе люди разом отпрянули, бросились врассыпную, кто-то отчаянно завизжал, брызнула под ногами розовая помидорная мякоть. На платформе раздался резкий милицейский свисток. Пассажиры в панике лезли прямо из окон.

Но не все испугались случившегося. Двое грузин, торговавших у станции персиками, разглядев, что происходит, не сговариваясь, поднялись на платформу по лестнице, протолкались деловито к вагону, на ходу раскручивая большую веревку, быстро и ловко связали ею застрявшему в тамбуре Соломатину рога и под радостные возгласы пассажиров пинками выгнали из вагона. Бык пошел за ними покорно, недовольно помывкивая и жуя свою жвачку.

Террористы

Уже месяц город терроризировали страшные слухи. По вечерам люди боялись выйти на улицы, ночью все дома запирались наглухо, прекращалось движение транспорта, отключалось электричество, радио, не работал телефон, не выезжала «скорая», не показывала носу даже милиция, все боялись слухов. Говорили, что они приближаются, что уже совсем рядом, кое-кто даже видел их на улицах города. Люди не знали, кому верить, но при малейшей опасности все пугались смертельно, думая, что слухи уже ползут...

Первым еще месяц назад слухи заметил Евлампий Савельев, колхозный плотник, мужик непутевый, у которого семь пятниц на неделе, но и то сказать, пока за ним ничего такого не числилось. А тут встал он как-то раз утром, смотрит в зеркало – сам на себя не похож стал, понять ничего не может. Но идти куда надо не захотел, к врачу – боязно, упрячут еще, к бабке Саломонихе и подавно – разнесет, по всему поселку осудят. Закрылся дома и сидит – ни гу-гу. Только чуть погодя стал он замечать, что поползли по поселку слухи один другого страшнее. Люди по домам попрятались, магазины закрылись, колхозники поля и фермы забросили, коровы мычат недоенные, свиньи голодные. Понял Евлампий, что это от него зараза пошла, косяком всех зацепила, и еще больше струхнул – ну, теперь как пить дать посадят, а то, может, и хуже чего, за умышленное заражение. А выйти все равно страшно, вон они сколько народу уже сожрали, полпоселка словно корова языком слизнула.

А тем временем потянулись в город толпы беженцев. Все от слухов спасаются, кто на чем: на машинах, тракторах, комбайнах, велосипедах, на тачках ползут, самые недогадливые на своих двоих ковыляют. Все улицы запрудили, стали табором, слухи, кричат, приближаются, спасайся, кто может.

Городское начальство тоже не знало, что делать. Первым его желанием было, конечно, все эти слухи в зародыше подавить. Но не тут-то было, их еще сперва надо было хотя бы увидеть собственными глазами, узнать, что это такое и чтобы наверху лишнего шума не было. А вот с этим вышла заминка. Устраивали ночные облавы, засады, рыли на дорогах траншеи и надолбы, но все впустую: чем сильнее город укреплялся, тем больше слухов к нему ползло. То там, то здесь вспыхивали беспорядки, начинались погромы, целые части города были захвачены слухами, но несмотря на принимаемые меры, противника не только не удавалось окружить и изловить, но его до сих пор толком никто не видел.

Тем не менее, городской штаб по борьбе со слухами ломился от боевых сводок. Уже тянулись с окраин столбы пожарищ, бухали близкие взрывы, а наверху все еще смеялись и называли городских начальников паникерами. Потом, правда, забеспокоились, когда слухи проникли и к ним, и стали присылать подкрепления. Решено было построить глубоко эшелонированную оборону, и теперь три недели подряд население всего города работало на улицах, возводя невиданных размеров валы, стены и баррикады, солдаты минировали дороги, ставили между домами танки и пушки, но слухи оказывались проворнее и проникали сквозь все возводимые укрепления, размножаясь, как мухи в помойной яме. Паника достигла небывалых размеров, обезумевшие люди бежали из города куда глаза глядят, бросив на произвол судьбы все накопленное добро, сходили с ума, выпрыгивали из окон.

Власти запросили о помощи, и тогда к городу стали стягиваться регулярные части. На военном совещании в центре решено было взять очаг слухов в кольцо, никого оттуда не выпускать и назад не впускать, и если через неделю они не сдадутся сами, начать планомерное их уничтожение при помощи всех средств, не исключая и самые сильные. Однако через несколько дней командование с тревогой стало замечать проникновение врага и на уже отвоеванную территорию, укрепленную по последнему слову военной техники. Среди солдат поползли панические настроения, заколебались даже опытные офицеры, в штабах и тылах

началось массовое недовольство и разложение. Решено было действовать незамедлительно. Войска вошли в город с трех сторон, нанося противнику сокрушительные удары. Однако победа давалась очень непросто, с боем приходилось брать каждый дом. Кроме того, большие помехи движению войск создавала подпавшая под влияние слухов часть населения, оставшаяся еще в городе, не давала вести обстрел, применять маскировку, мешала коммуникациям, словом всячески вредила наступлению наших частей. В результате целые районы города подверглись тотальному разрушению с большим количеством жертв. В конце концов, противник был полностью нейтрализован и истреблен, и войска генерала Дуроломова водрузили в центре города знамя родной дивизии. Кризис, угрожавший самой безопасности государства, наконец-то закончился.

Люди подземелья

Поздней осенью, когда разбомбили их дом, Минусинская с сыном переехали жить в подвал. Электричества не было, газа тоже, за водой ходили на угол к разорванным взрывом трубам, из которых она вытекала тоненьким ручейком. Еду готовили на улице возле обрывков газового коллектора, откуда со свистом были струи свежего газа. Зажигали спичками факел прямо из труб и осторожно устраивали очажок – могло и взорваться, как в соседнем дворе, где на днях убило семью. Потом, когда бои начались на соседних улицах, совсем рядом с подвалом, еду перестали подвозить вовсе, выбраться днем на поверхность тебе было нельзя из-за рвущихся непрерывно снарядов и града пуль, свистевших среди развалин, так что, как сказала Минусинская, оставалось только копыта отбросить. Рядом рухнули перекрытия, завалив половину занимаемой ими площади, к тому же вечером на оставшуюся нетронутой территорию пробрались несколько стариков и старух из засыпанных нор по соседству, жить стало просто негде, и надо было срочно найти выход из положения. Мать сказала: иди!

Ночью, когда наступило небольшое затишье, сын выбрался из подвала и короткими перебежками среди груд битого железобетона и кирпича пошел в неизвестность. Кое-где постреливали, он прятался, выжидал, двигался самыми темными закоулками, рядом время от времени с грохотом обрушивались руины домов. Откуда-то тянуло по ветру преотвратнейшей вонью, и чем дальше он шел, запах становился все сильнее и гуще, так что даже едва не сбивал его с ног. «Должно быть, братская могила», подумал сын, отходя ха угол, где пахло гораздо тише, и уже хотел было повернуть назад, но попал вдруг ногой в большую лужу воды, вытекавшей из разорванных труб. Наполнив водой бутылки и развесив их на поясе, он заметил, как мог, это место и поспешил к дому.

Утолив жажду и добрав остатки еды, мать сказала: надо идти. Попрощавшись с оставшимися в подвале, на следующую ночь они отправились в путь. Их больше никто не видел.

Сержант Куряев, командовавший взводом саперов, на ночь расположился в развалинах магазина и велел запалить костер. Скоро стало тепло. Потрескивали дрова под самодельной плитой. Просушивая над огнем рубаху, он поймал на ней двух выползших от жары вшей, плюнул и стряхнул их в огонь. Они вспыхнули и тут же погасли.

Нахимичили

Школьники занимались в химической лаборатории опытами. Превращали соль в кислоту, смешивали водород и кислород, прокачивали на спирту пары ртути. Учитель Павел Матвеевич скучал на своей кафедре, изредка поглядывая на класс поверх очков, а потом снова углублялся в изучение книги «Часовая механика». Дело в том, что у него дома испортились стенные часы, идти в мастерскую не хотелось – денег жалко, а жена уже замучила своим нытьем: почини да почини – очень она бой их любила слушать. Книгу он разыскал в библиотеке, она ему понравилась: простая, и, главное, как раз вовремя – утром жена дала ему денег с книжки и велела идти с часами в ремонт. Но он решил их сам починить, а ее обмануть и деньги забрать себе на карты и другие мелкие развлечения. Теперь он хотел поскорее осилить ее до конца, чтобы закончить дело до вечера, когда жена со смены придет. Пытаясь понять написанное, он совсем перестал обращать внимание на учеников, и даже, когда грохнул взрыв, не сразу опомнился. Его заволочло дымом, полетели битые стекла, потом все затихло. Очнувшись, он сначала не понял, что же произошло, а когда попробовал шевельнуться, и все поехало, завопил от отчаяния.

Дым рассеялся. Ученики, испуганные, но довольные, вылезали из-под столов. Никто не погиб и даже не был поранен, но Павла Матвеевича нигде не было видно. Его искали и учителя, и «скорая», и милиция, но ни в лаборатории, ни на улице, куда вылетели побитые стекла, ни на крыше не было и следа. Он исчез. Часы, принесенные им из дома, пошли сами собой и уже больше не останавливались. Долгими вечерами жена и дети Павла Матвеевича слушали их мелодичный звон, и им иногда чудилось, будто они настойчиво пытаются им что-то сказать.

Погуляли

Соседи по купе Дерюгину попались хорошие. Это он понял, как только вошел в вагон. Все мужики здоровые, морды красные, табачищем за километр несет. Ни тебе баб, ни старух, ни детей-писунов, все путем. У каждого по бутылке нашлось, потом еще на каждой станции бегали, кто в карты проигрывал. Дерюгин просадил свои отпускные, потом было отыграл, но в конце проиграл и последнее, даже шмотки и чемодан. Но с пьяных глаз не заметил, так сдружился с ребятами. Вместе стекла били, пугали ночью соседей, толчок сломали с сортире, опрокинули кипяtilьник. Проводница закрылась в своем купе и сидела всю дорогу, как мышь. Остальные тоже не желали носу показывать, но жаждущему развлечений Дерюгину это не очень понравилось, и полночи они играли с особенно недовольными в «пятый угол», а других заставляли пить за свое здоровье и устроили маленькое, но веселое соревнование «вырви глаз». Кто-то, правда, пытался их урезонить, но остался без зубов и с попорченной фотокарточкой. Угомонились они под утро, когда до Москвы оставалось четыре часа пути.

Дерюгина долго не могли добудиться. Он отмахивался, мычал, и не желал просыпаться. А когда открыл глаза, побледнел: его, лежащего на нижней полке, энергично бодали в бок три здоровых вонючих козла со свалявшейся шерстью. Завопив от ужаса и сильной боли, он опрометью выскочил из купе и кинулся по коридору, зажав кровоточащую рану. Козлы выскочили следом за ним.

Измученные пассажиры, увидев погоню, попрятались кто куда, а другие бросились наутек, крича и размахивая руками. В дверях началась свалка, и тогда, отчаявшись, Дерюгин повернулся к преследователям, наклонил голову и, наставив на них свои большие рога, пошел навстречу, стуча по полу копытами.

Белая горячка

В субботу утром слесарь Парфентий Сидоров долго не хотел вставать, пока жена сама из постели не выгнала. Надо было идти копать в огороде картошку, а ее у них было столько, что и за день не перетащишь. Однако деваться некуда: Парфентий кое-как оделся, наскоро выпил-закусил и пошел в огород.

Дело не заладилось с самого начала. Сперва он долго искал мешки, потом сломался черенок от лопаты, а когда наконец он начал копать, его неотвязно преследовало ощущение, что он делает что-то не то.

– Дорвался, сволочь.

– Его только и не хватало.

Услышав незнакомые голоса, Парфентий огляделся, но никого не увидел. Решив, что ему почудилось, он продолжил было работу, то тут раздалось опять.

– Вот наяривает.

– Рад постараться, гад.

– Такой и за копейку зарежет.

Он повернулся в направлении раздававшихся голосов, потом, еще не желая верить, осмотрелся вокруг, и, никого не увидев, похолодел, сообразив, что они идут из ведра с картошкой. Для пущей уверенности он копнул еще раз, и едва только выбрал из земли пару картофелин, как они заговорили у него прямо в руке.

– До нас добрался. Теперь хана.

– Задушил бы своими руками.

Бросив картошку, Парфентий кинулся в дом, крича не своим голосом, и забился под кровать. Вытащить его оттуда смогли только вызванные испуганной женою соседи.

Воющего, словно раненый зверь, Парфентия бригада «скорой» увезла в сумасшедший дом с диагнозом «белая горячка».

– Допился до чертиков, – плача, рассказывала соседям жена. – И дня не было, чтобы без бутылки ходил.

Ей сочувствовали.

Вечером, оставшись одна, она надела телогрейку и сапоги и сама отправилась копать картошку на огород. Что с ней случилось там, до сих пор неизвестно, но когда на другое утро ее увозили вслед за мужем в психиатрическую больницу, она только смеялась и никак не могла замолчать.

Выписали их, когда уже выпал снег. Однако Парфентий, не поленившись, привел из колхоза трактор и перепахал огород весь до основания несколько раз. После того случая он уже картошку никогда не сажал и не ел, а когда где-нибудь в гостях видел ее на столе, ему так делалось плохо, что потом еле откачивали.

Озорник

Илья был очень непослушный ребенок. Бабушка говорила ему: не играй у помойки, – а он играл: не ешь ничего с земли – а он набивал полный рот; не отнимай у детей игрушки а он целую сумку домой притаскивал; не лазай по чердакам – а он оттуда не вылезал; не катайся на лифте – а его лифтеры уже десять раз доставали. Бабушке делалось плохо, она пила валерьянку, а потом лупила его по чем попало, но он все равно не слушался.

– Не ходи на стройку! – кричала она со скамеечки.

– Не пойду! – отвечал из-за забора Илья.

– Не играй в котловане! – снова отвлекалась она.

– Не буду! – отвечал он из ковша экскаватора.

– Не заглядывай в колодцы!

– Не загляну! – кричал он, свешиваясь через край, но однажды все-таки не удержался и полетел вниз.

Слесарь Картузов неплохо в трубе устроился: и заквасить можно, и не увидит никто. Достал поллитру, выпил стакан – закусил, выпил еще – закусил, третий выпил – и тут ему как раз что-то в желудок попало. Да такое противное, да как закричит, заревет благим матом оттуда, что хоть провались. Слесарь чуть не умер, выскочил как угорелый наружу, заметался, не знает, куда деваться. А оно внутри кричит, бьется, сейчас назад поперет. Все работу вокруг побросали, на него смотрят, а он от страха ни жив, ни мертв.

– Ой, ребята, – говорит, – делайте, что хотите, а я сейчас сдохну, оно живое внутри.

А вокруг все хохочут.

– Поделом гаду, в другой раз втихаря трескать не будешь.

А сердце так и скачет, и в желудке что-то бьется, прыгает, норовит наружу пролезть. Мужики вокруг собрались, дивятся, а Картузов уже на землю лег – помирать. Прораб Сапелкин со склада крючок притащил, которым кладовщица баба Таня на работе вязала, может, этим достанет. Открыли ему рот, а оттуда сивухой да чесноком разит – не продохнешь, закусывать можно. И кричит тонким голосом кто-то:

– Помогите, спасите, бабушка, где ты? Ааааа!

Ну, ребята струхнули, а Картузов лежит, чуть не плачет: выньте, говорит, вы эту дрянь, – и руками показывает. Двое его челюсть схватили, держат, а прораб тотчас руку с крючком внутрь сунул и давай ковыряться, слесарь аж подпрыгнул от боли. Только было подцепил, наверх потянул, а оно возьми да его за руку цапни. Он чуть крючок не упустил, вытащил, руку держит, а из пальца кровь капает.

– Он, зараза, еще и кусается, – говорит.

Тут вся стройка сбежалась, смотрят, ахают, но близко не решаются подойти – страшно. Инженер Мохнач со своим советом пришел – влить ему туда сразу поллитра, само выскочит. Делать нечего, начали заливать. Картузов совсем окосел, только закусить требует. Изнутри уже не крик, тоненький писк раздается, но вылезать и не думает. Прораб видит, что водки зря извели, разозлился и давай ему кулаком в пузо, как в барабан, дубасить. Но тут его за руку кто-то схватил и держит, не дает опустить. Оглянулся прораб – старуха.

– Ты, что ж это, сволочь, моего Илюшу убить решил?! Я те, гаду, глаза выцарапаю. Пошел вон!

Тот было на нее вскинулся, но видит, за ней еще с десятков мужиков и баб собралось, и двое милиционеров в фуражках сзади маячат. Отступился прораб.

– Одурела ты, бабка, – говорит только он. – Где это видано, чтоб ребенок в брюхе сидел? Померещилось на старости лет!

– Ах, ты, гад, померещилось! Да я его голосок за версту чую!

Раскрывает слесарю рот и кричит прямо в глотку:

– Илюшенька, внучек, слышишь ли ты меня?

– Слышу, бабушка, – изнутри тонким голосом отвечает.

– Жив ты там, внучек? – спрашивает.

– Жив, бабушка, только вытащи меня скорее отсюда, а то страшно.

Все вокруг ахают, а прораб со страху подальше в толпу забился, чтобы в ответу не привлекли. Только слесарь стонет, закусить требует.

– Сделайте милость, все нутро так и жарит.

– Сейчас сделаем, мало вам питва, сволочам, алкоголикам, вы еще детьми закусывать стали.

Наручники на него надели, в рот распорки поставили, чтоб не закрыл, врачи кругом суетятся, отнесли в «неотложку», в машину поставили, понеслись, бабушка с внуком переговариваются.

– Ты не спи там, Илюша, а то хуже будет.

– Нет, бабушка, только очень уж тут тесно, не повернешься.

– А ты его толкай, ширься, будет знать, как ребятишек проглатывать.

Привезли в больницу и сразу в операционную подняли. Слесарь только головой крутит, вырваться хочет, но его к каталке ремнями привязали и дежурных поставили, чтоб не ушел.

Прибежали врачи, профессора, кандидаты, смотрят и удивляются, через наушники слушают, что там внутри творится, говорят с мальчиком, а он уж отвечать им устал.

– Вынимайте, – кричит, – меня, я кушать хочу!

А они все медлят, ждут, когда студентов из академии привезут посмотреть. В коридоре бабушка плачет, мама, тетя Лида и дядя Петя, отец уже рукава засучи, ждет, когда слесаря выпустят.

– Голову оторву паразиту, – говорит.

Наконец, студенты приехали, привели их всех скопом в палату, не протолкнешься. Стали кишку в глотку проталкивать – а мальчишки и нет.

– В кишки ушел, – говорят.

Тут такая паника поднялась, конец света. Снимки стали делать, ультразвук, а профессора к операции готовятся, сам академик Гельфандбейн приехал, оперировать будет. Ну, разыскали мальчика где-то в тонкой кишке, на стол положили, дали наркоз и стали вскрывать.

Два часа операция шла и закончилась очень успешно. Мальчика родителям вернули здорового, но голодного. Ох, и напугался же он! Дома бабушка в угол поставила, коленями на горох, чтобы слушался, а мама с тетей торт и мороженое принесли – пусть ребенок полакомится после такого. А гостей сколько пришло – словно на день рождения. Только с тех пор он почему-то совсем расти перестал, видимо, от испуга.

Картузова выписали через месяц.

Ночной кошмар

Как-то ночью приснился Боре страшный сон, будто ни с того, ни с сего превратился он в здорового кабана с клыками, и его резать ведут. Ух, страшно! Ворвались всей толпой в хлев, когда он об стенку чесался, за уши ухватили и тащат. Он ну вырываться, ну кричать: «Да что ж вы, сволочи, делаете, я ж не кабан все-таки, жить хочу!». А они только пуще хохочут; один, самый здоровый, навалился на него сверху брюхом, да так и опрокинул на землю, словно мешок. Тот вырывается, копытами бьет, ему ноги веревками связали и поволокли наружу кулем, надрываются.

– Эх, и здоров у тебя боров, Петрович, – говорит сосед. – Его и не редут еще, а он уж визжит во все горло.

– На то он и хряк. Чтоб визжать, – кричит Петрович в ответ, а сам радуется.

– Помогите! Спасите! – Борька со страха чуть с ума не сошел, кричит, бьется изо всех сил, а его мужики сапогами под ребра – раз! Раз!

– Ну, чисто человек! – говорит один. – И не жаль его вам?

– А чего жалеть-то, – отвечает Петрович. – Только жрет, да в грязи кувыркается. Опять же, в огороде всю морковку да капусту разрыл. Тут вот, только я отвернулся, цыпленка загрыз на глазах. Моя уж замучила: прекрати, говорит, ты его, пока он нас самих с потрохами не слопал, зараза. Помоев не напасешься.

– Врет! Врет! Он меня впроголодь держит! – кричит Боря, а его уж не слушают, Петрович из-за голенища нож свой достал, к горлу его примеряется, соседи за ноги со всех сторон ухватились, держат, кому бок, кому ляжку, на живом делят.

– Ну, поехали, – сказал Петрович и поднес Боре нож к горлу.

Тот рванулся что было сил и... свалился на пол с насеста, где другие куры сидели. Всех переполошил и сам переполошился. Ну, а потом видит, что все это лишь сон был, в себя пришел, успокоился и опять на насест взлетел, досыпать. Не знал Борька, что старуха уже загодя нож наточила, чтобы на утро из петуха суп варить.

Деньги

Анна Тимофеевна еще не знала, что сегодня деньги были отменены. В магазин собиралась, как всегда, тщательно, газ-свет-воду проверила по пять раз, дверь закрыла на все три замка и пошла потихоньку за молоком и сметаной, и за пельменями – очень уж она их любила кушать. И на завтрак у нее пельмени, и в обед, и на ужин только пельменями и питалась. Ну, пришла в магазин и на пять пачек деньги протягивает. А ей из-за прилавка и говорят:

– Ты что, бабка, не с той ноги встала? Сегодня деньги-то отменили.

– Как отменили? Да я ж всю жизнь только на них и жила. Как же быть-то теперь?

– Вот так и будешь. Хочешь – гляди, а хочешь – натурой плати.

– Какой такой натурой?

– Да уж сама знаешь, какой, – шутит продавец. – А про деньги забудь теперь.

– Батюшки! Да что ж мне делать?! Ведь я же ничего-ничего не знаю. Всю жизнь за деньги жила, а тут – на тебе! Куда ж мне, старухе, деваться?!

– Не знаю, а только деньги теперь не в цене. Давай, уходи, не крутись под ногами.

– Да что же это?! Нет, вы мне точно скажите, куда мне теперь с деньгами идти... Пусть мне хоть бумагу такую напишут, чтобы без денег давали.

А ее уже сзади народ оттирает, не дает до конца доспросить.

Ну, кто-то ее в кассу направил, мол, там с тобой разберутся. Приняли у нее в кассе деньги, дали взамен бумажку, что, мол, такая-то и такая-то теперь все продукты получает вместо денег бесплатно и беспрепятственно.

Ладно, успокоилась она и пошла дальше, за молоком и сметаной. Идет, удивляется, бумагу держит в руках, а все равно непривычно, удивительно как-то, чтобы без денег.

Зашла в магазин, подает бумагу и говорит:

– Дайте мне свеженького, шестипроцентного, литра два.

А ей бумагу назад швыряют и говорят:

– Ты что, очумела, старуха, лучше деньги давай!

– Как, – кричит, – деньги? Их же отменили теперь! Не слышали, что ли?

В магазине все со смеху покатались.

– Ты, бабка, не с той ноги, видать, встала! Ум за разум зашел! Где это ты такое слыхала?

– Да как же! Да в соседнем же магазине. Бумагу вот еще выписали...

– А, так это они пошутили. С первым апреля тебя, бабка, в календарь посмотри.

Тут она и упала в обморок. Нервная была бабушка.

Случай на пашне

Как-то раз весной пахал граф Лев Толстой свою десятину. Устал, запарился, уже бросить хотел, да неудобно – мужики из-за забора глядят.

Дошел до того края, поворачивает, а лошадь встала как вкопанная, ни с того, ни с сего, и говорит:

– И не стыдно тебе, старик, дурью маяться? Книжку лучше пиши...

Граф сперва удивился, а потом рассердился.

– Это что еще за фокусы! Кто тебе велел разговаривать?! Забыла, что я в это не верю? Сколько раз говорил: не бывает так в жизни!

– Бывает или не бывает, – говорит она, – а я тебе о деле толкую...

– Ишь, чего выдумала, – возмущается граф пуще прежнего. – сказал «не верю», значит – не верю! И нечего с толку сбивать. Чтоб я этого больше не слышал! Забыла, чему я тебя два года назад учил? Когда перевел из ездовых в пахотные...

– А все-таки глупой ты, граф, как я погляжу...

Мотнула головой и дальше пошла, а граф сзади идет, весь красный, сердится и нагайкой ее наяривает по хребту. Мужики только головами качают: опять ему дело сказали, а он не слушает. Ну, и граф!

Финансы поют романсы

Художникам выплачивали аванс. Ввиду отсутствия денег аванс им выдали исключительно красками и бумагой.

– Изверг! Урод! – кричала дома жена художника Плинтусова. – Чем же я вас месяц теперь кормить буду? Бумагой, что ли?

– Не шуми, Маша, – успокаивал её Плинтусов, – это ещё ничего. У соседа вон сын в сталепрокатном цехе работает. Так ты знаешь, чем им за рплату последний раз выдавали?

Вредные привычки Деда Мороза

Найти человека на роль Деда Мороза для профкома фабрики имени 1 Мая оказалось нелёгким делом. Общее заседание вышло бурным. Кого бы ни предлагали, приходилось отказываться – слишком много вредных привычек.

Главного инженера Букреева отменили сразу – пьёт и не лечится, какой пример будет детям и взрослым?! Бухгалтера Водопьянова тоже пришлось вычеркнуть – недавно развёлся, живёт с любовницей, совсем разложился морально.

– Слесарь Кугельсон с пятого участка подойдёт, – вспомнила главбух Лешакова. – Тихий, примерный, двое детей.

– Возражаю! – решительно отнёл кандидатуру председатель месткома Зотов. – Еврей, пусть лучше волка играет.

– А, может, Мазаев из планового? – спросили с другого конца стола.

– Он у нас уже в детском саду играл, слишком много чести, – возразил Зотов.

– А Костоедова из санчасти не хотите привлечь? – спросила медсестра Филимонова.

– Религиозный сектант. Ещё начнёт вместо поздравлений концом света пугать.

– А, может быть, Трушкин?...

– Коммунист. Подумают, что они к власти вернулись.

– Я знаю! Я знаю! – выкрикнул радостно юрист Пружанский. Все обернулись к нему.

– Селёдкин из первого корпуса! Он у нас ни в чём не замечен, – пояснил тот.

– Тем более не пойдёт, – сказал Зотов. – Был у нас такой тихий в позапрошлом году.

Оказался нудистом.

Сидевшие смущённо потупились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.